

Кизиль Е.В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАЗИС ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ РАЗВИТИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

Введение

Исследования источников местного развития локальных социально-экономических систем (СЭС) позволяют представить экономическую среду муниципального образования (МО) совокупностью связанных между собой определенным образом участков сосредоточения различного рода ресурсов, как центров концентрации возможностей локальной системы. Каждый участок представляется нами точкой, в которой сосредоточен потенциал развития (изменения) экономической среды МО. Наиболее распространен на практике экономический подход к понятию потенциала. Все многообразие его трактовки сводится к рассмотрению сущности потенциала как совокупного богатства страны, экономической мощи государства, инвестиционных возможностей субъектов осуществлять вложения в уставный капитал фирмы определенной совокупности ресурсов [2]. В последнее время активно используется общественно-экономический подход, основывающийся на рассмотрении потенциала с точки зрения удовлетворения запроса общества в производстве общественных благ, что наиболее близко подводит нас к понятию потенциала развития СЭС [3]. В связи с этим возможны несколько смысловых подходов к исследованию общественно-экономической сущности потенциала развития.

1. Анализ смысловых подходов к исследованию общественно-экономической сущности развития локальных социально-экономических систем

Ресурсный подход

Основоположники ресурсной теории Сирианси-Уонтрап, Перлофф, Уингоу определяли ценность ресурсов востребованностью той продукции, которая произведена с помощью этих ресурсов. Потребность в конкретном общественном благе, спрос на которое зависит от таких факторов, как уровень дохода потребителей, их вкусовые предпочтения, а также способ организации производства может меняться, поэтому мобилен и спрос на ресурсы. Однако ресурсы могут истощаться, перемещаться, качественно и количественно меняться. Зависимость от природных ресурсов и ориентация только на собственную ресурсную базу могут тормозить местное развитие. Территории, обладающие обширной ресурсной базой, как правило, обладают преимуществом перед остальными сообществами тем, что имеют возможность экспортировать сырье не только поддерживая мировую конъюнктуру спроса и предложения на природные ресурсы, но и обеспечивая существенный приток финансовых ресурсов на свою территорию, способствуя развитию инноваций. Промышленный потенциал таких территорий ориентирован на добычу природных ресурсов и соответствует «сырьевой модели» экономики, основоположником которой считается Х. А. Иннис. Согласно сырьевой концепции экспортная выручка (при устойчивом спросе) может обеспечить бесперебойное производство местных общественных благ внутри сообщества. Фактором экономического развития при этом являются внешние инвестиции, вкладываемые в сырьевой сектор экономики, который по терминологии теории секторов (А. Фишер, Колин Кларк, Ж. Фурастье и др.) является первичным. Он служит одной из основных движущих сил развития и связан с добычей природных ресурсов. Сущность развития согласно теории секторов заложена в перераспределении трудовых ресурсов между первичным, вторичным (переработка, производство) и третичным (обмен, потребление, обслуживание) секторами. В результате повышения производительности труда (в первичном и вторичном секторах темп роста ее выше) и роста покупательной способности населения происходит повышение спроса на общественные блага,

производимые третичным сектором, который притягивает к себе трудовые ресурсы, высвобождающиеся из первичного и вторичного секторов. Ориентация на внутреннее производство общественных благ является прерогативой так называемого не базового сектора экономики согласно теории «экономической базы» (Питер Де Ла Курт, Вернер Сомбарт, В. Леонтьев и др.). Существование наряду с ним базового сектора позволяет провести анализ экономического развития территории, сравнить и выявить факторы, влияющие на уровень доходов населения, безработицу, объем производства и т.д.

Проблема ресурсного обеспечения производства общественных благ не может быть рассмотрена безотносительно к технологиям, позволяющим сделать эффективным этот процесс и способствующим развитию. Так природные ресурсы (их количество и качество) вместе с трудовыми ресурсами, капиталом, технологиями, по мнению Р.К. Макконнелла и Л. Брю определяют параметры регионального роста [12]. Производство общественных благ, отвечающих потребностям рынка, также требует экономической интеграции с рабочей силой, капиталом, технологиями [14]. Следуя тезису о неравномерности развития промышленной основы местных сообществ, необходимо констатировать, что внедрение и распространение технологий в муниципальных образованиях – процесс неодинаковый, имеющий особенности и специфичность для каждого из них. Развитие технологий тесно связано с нововведениями. Согласно модели Т. Хагерстранда механизм распространения нововведений действует в направлении от развитых территорий к периферии, от крупных городов к граничащим с ними районам, от иерархических структур более высокого порядка к аналогичным структурам низшего уровня [10]. Эффект соседства, барьеров и информационных полей в теории диффузии инноваций Т. Хагерстранда позволили оценить значение социальных связей, средств массовой информации и наличие рынков, уменьшающих риск для продвижения нововведений. Следует отметить роль органов власти в вопросах распространения инноваций, которые могут как ослабить (бюрократические препоны), так и усилить процесс их диффузии, поскольку обладают

административным ресурсом. Данная теория является применением пространственно-временного аспекта концепции Т. Хагерстранда и пространственно-структурного аспекта развития теории технологических систем.

Воспроизводственный подход

Обращение к воспроизводственной теории как краеугольному камню экономической науки, во все времена пытавшейся найти ответы на проблемы производства и потребления общественных благ, постоянно прослеживается вот уже несколько веков. Ее основоположники В. Петти и Ф. Кенэ по-разному подходили к трактовке общественного воспроизводства, тем не менее, видели его связь с воспроизводством национального богатства (В. Петти) и реализацией общественного продукта (Ф. Кенэ). В. Петти вводит понятие общественного труда, Ф. Кенэ - секторов воспроизводства общества. В их теориях отразилась суть воспроизводственного потенциала как способности людей использовать накопленный труд, управляя общественным воспроизводством и удовлетворяя разнообразные потребности. Изучая проблему реализации совокупного общественного продукта, Т. Мальтус приходит к мнению о необходимости достижения максимального общественного потребления (без чего немислим приемлемый спрос и полное использование капитала) с обязательным участием «третьих» лиц, то есть, непроизводительного класса, который тоже участвует в производстве общественного продукта. Т. Мальтус доказывал связь между объемами материальных благ (предметов потребления) и уровнем народонаселения. Динамический подход к воспроизводству Ф. Кенэ расширил и углубил К. Маркс, рассматривая этот процесс как условие существования человечества в единстве воспроизводства материальных благ, рабочей силы и производственных отношений. С именем Маркса связано политэкономическое понимание процессов воспроизводства, основой которых явилось не пресловутое равенство спроса и предложения, а рассмотрение проблем развития воспроизводственных процессов. Отправной точкой кейнсианского течения по вопросам воспроизводства стала идея «эффективного спроса»,

основанная на ключевой роли государства в вопросах стимулирования потребительского спроса, который в свою очередь должен способствовать расширенному воспроизводству. Неокейнсианцы (Р. Харрод, П. Калдор, Е. Домар, Э. Хансен) уделяли внимание влиянию расширенного капиталистического воспроизводства на экономический рост, подвергнув тем самым критике учение Дж. Кейнса в части линейного характера количественных зависимостей простого воспроизводства. Несмотря на незыблемую фундаментальность многих теоретических воззрений основоположников воспроизводственной теории в настоящее время происходит ее значительное переосмысление. Реалии настоящего времени ставят под сомнение действенность монетарных способов регулирования процессов воспроизводства общественного капитала, все больше ориентируясь на принцип равноправия интересов всех участников экономических отношений.

Пространственный подход

Пространственный подход рассматривает аспект привязки потенциала к конкретной территории в результате обеспечения населения общественными благами (регион, муниципальное образование, внутримunicipальные зоны). Пространственная теория является сплавом двух научных подходов в исследовании развития местных сообществ с нечеткой разделительной гранью - теории месторасположения и пространственной экономики. Первое направление представлено так называемой теорией размещения [4], в основе которой лежат модели «локационного треугольника» В. Лаунгардта, гравитационной модели А.Е. Шеффле, «агломерационного» эффекта А. Вебера, «центр-периферия» Дж. Фридмана, общего экономического равновесия Л. Вальраса, концепция «регионалистики» В. Айзарда, уже упоминавшаяся выше пространственно-временная концепция Т. Хагерстранда и т.д. Пространственная экономика, в свою очередь, включает две научные области – региональную экономику и экономику города. Среди теорий региональной экономики особое значение для понимания основ регулирования развития муниципальных образований имеют теории пространственной организации

экономики и межрегионального экономического взаимодействия [4]. Наиболее яркими зарубежными представителями данных направлений являются Ф. Перру, Ж. Будвиль, Х.Р. Ласуэн, В. Парето. Фундаментальный базис экономики города в ее региональном аспекте создавали И.Г. фон Тюнен, В. Кристаллер (модель шестиугольника), А. Леш (модель экономического районирования). Пространственный аспект локализации местного сообщества предполагает взаимосвязь факторов местоположения МО и размещения экономических объектов в процессе производства товаров и услуг с его развитием. Территория является неотъемлемым элементом и характерным признаком местного сообщества. Ресурсно-географический статус, рыночный, производственный аспекты пространственной инфраструктуры МО во многом определяют направление и степень его развития, экономическую роль в региональном разрезе. Основоположники пространственной теории выделяли несколько характеристик пространства, влияющих на места концентрации городской и сельской цивилизаций: ресурсная ориентация (А.Е. Шеффле); производственный аспект (В. Айзерд, А. Вебер); наличие рынков сбыта (И.Г. фон Тюнен, В. Кристаллер, А. Леш); транспортная доступность (В. Лаунгардт). Каждая из представленных характеристик способствует наращиванию потенциальных выгод для местного сообщества и является предпосылкой к дальнейшему развитию. Исследование вопросов пространственной организации экономики опирается на принципы размещения производств, ориентируясь на отрасли-лидеры, которые и определяют экономический рост соответствующих территорий. На этом основана теория «полюсов роста» Ф. Перру, часто подвергающаяся критике за преобладание отраслевого принципа управления экономикой и определение основополагающей роли государственного регулирования для страны. Опираясь на классификацию отраслей Ф. Перру по тенденциям развития (деградирующие; с высокими темпами развития, но не влияющие на остальные отрасли; спонтанно вызывающие рост экономики), Ж. Будвиль привязал понятие «полюс роста» (набор отраслей) к соответствующей территории и ввел понятие «центр роста», являющего собой

конкретную пространственно-географическую единицу (населенный пункт). В контексте пространственной организации экономики и экономики города может рассматриваться модель городской агломерации Х.Ричардсона, которая связывает принципы размещения предприятий с аспектами локализации свойственных только данной территории иммобилизованных природных ресурсов, транспортных издержек, предпочтений инвесторов. Находясь на позициях неоклассической школы экономического роста, Х.Ричардсон акцентирует внимание на зависимости факторов предложения, определяющих региональный рост, от эффектов агломерации, разницы в ценах внутри локальной территории и вне ее, географических особенностей региона [9, с. 25].

Х.Р. Ласуэн исследовал центростремительное влияние куста лидирующих региональных предприятий, имеющих экспортноориентированный профиль, на периферийные отрасли (по отношению к главным отраслям и в географическом смысле). Импульсы роста по Х.Р. Ласуэну передаются через межрегиональные связи, возникающие за счет функционирования экспортных отраслей. В этом смысле актуальна теория межрегионального взаимодействия В. Парето, заключающаяся в одинаковой выгодности для регионов нахождения в ядре экономического равновесия, включающего такие варианты развития, которые содержат только оптимальные решения для всех его участников. Таким образом, импульсы роста должны способствовать сглаживанию конкуренции между территориальными единицами по Парето и способствовать сбалансированному росту регионов. От конгломерации регионов и межрегионального взаимодействия к межстрановому сотрудничеству и интеграции в мировую экономику – путь, сопровождающийся созданием свободных экономических зон, теоретическим базисом которых является концепция «полюсов роста». Сегодняшние территории опережающего социально-экономического развития - способ предоставления возможности выравнивания в экономическом плане отстающих регионов и муниципальных образований с последующим превращением их в центры притяжения экономической активности и роста.

Институциональный подход

Возможность использования основ институциональной теории в решении проблем местного развития объясняется степенью влияния различных институтов на процессы ускорения и стимулирования экономического роста локальных социально-экономических систем. Основой хозяйственной жизни общества, по мнению большинства экономистов-институционалистов, является господствующий принцип закрепления и распределения прав собственности, сформулированный еще А. Оноре в виде «пучка прав» собственности. Важность хозяйственного порядка в вопросах эффективного производства общественных благ отмечал в свое время В. Ойкен. Он видел зависимость между господствующим в обществе принципом организации хозяйственной жизни и региональными (местными) социокультурными и природными особенностями. По мнению В. Ойкена необходимо вмешательство государства в хозяйственную жизнь общества, так как отдельный индивид в силу своих моральных устоев и инстинктов всегда будет ее ограничивать. К нравственным нормам поведения человека присоединяются благоприобретенные (бережливость, уважение к собственности и т.д.), которые, по убеждению Ф. Хайека, и составляют основу правового порядка в обществе, регулирующего процессы обмена [16]. Зависимость эволюции институциональных правил поведения от изменения цен на ресурсы увидели Дж. Умбек, Б. Филд, Х. Демсец. По их мнению, запрос на начало институциональных преобразований осуществляют экономические агенты, неудовлетворенные эффективностью ресурсов. Демсец Х., разработавший модель исключительного права на землю, воду в местных сообществах, рост общественной выгоды относил к приоритетным вопросам деятельности государственных структур, тем самым подчеркивая безоговорочное «подстраивание» институциональной среды под потребности общества [22]. Согласно его теории, к институциональным изменениям приводит конфликт между устаревшими правами собственности и технологическими изменениями, возникающими как реакция экономической среды на появление новых рынков и технологий. В. Раттен и Ю. Хайами [29]

связывали институциональные изменения в том числе с необходимостью сохранения за «политическими предпринимателями» (властные структуры) доли частных доходов. При этом, согласно данной теории индуцированных институциональных изменений, не приходится говорить об их эффективности, так как «рост частных доходов не тождествен социальному благосостоянию». Особое место в институциональных теориях развития занимает «распределительная» модель институциональных изменений Г. Лайбкепа [26]. Он также считал, что не всегда институциональные изменения приводят к повышению эффективности использования ресурсов и экономическому росту. Возникающие как ответ на потребности общества в изменении условий хозяйствования, институциональные инновации способствуют приемлемым решениям для всех сторон заключаемого соглашения до тех пор, пока имеется выгода. Появляющийся рано или поздно дисбаланс интересов приводит к нежеланию части агентов внедрять институциональные инновации. Это сопротивление будет тем сильнее проявляться, чем разнороднее число и структура участников институциональных контрактов. О социальной полезности институциональных изменений много говорил Д. Найт [25]. Он исследовал ситуации, когда эффект институциональных изменений, в котором чаще всего заинтересованы частные лица, может благоприятно сказаться и на общественных издержках. Рассматривая институты как разновидность общественного блага, Д. Найт акцентировал внимание на проблеме безбилетника с точки зрения получения им части общественной выгоды, даже при условии не участия его в политических сделках по обеспечению социально значимых институциональных изменений. Причину развития Д. Найт видел в наличии распределительного конфликта при производстве социальных благ, в то время как стабильность соответствует свершившимся социальным институциональным изменениям, способным постоянно удовлетворять спрос на упорядочивание распределительных преимуществ. Модель институциональных изменений по Норту основывается на «внешних шоках» и «внутренних стимулах» к корректировке поведения игроков рынка,

стремящихся максимизировать функцию полезности и минимизировать издержки [13]. Институты, по мнению Д. Норта, могут быть представлены некими наборами правил, морально-этическими нормами, законами, договорами, устанавливаемыми ограничениями, регулирующими взаимодействия между людьми. Он развенчал миф об экономии хозяйственных издержек с помощью институтов (за счет увеличения доступа к информации, снижения рисков неопределенности для участников рынка), берущих на себя организацию трансакций. Как представитель новой институциональной экономики, Норт доказывает наличие затрат, сопутствующих институциональным преобразованиям (ненулевые трансакционные издержки), минимизация которых является индикатором эффективности экономической модели поведения. Таким образом, необходимость экономии издержек обращения побуждает общество развивать институциональную среду, усиливая роль органов власти в этом процессе. С другой стороны, важнейшим институциональным фактором наряду с правилами, обычаями, традициями является способность общества и индивида воспринимать изменения и определенным образом реагировать на них. Для здорового общества это выражается в стремлении улучшить условия общественного производства, для индивида – в способности к предпринимательству. Таким образом, одной из форм институционализации местного сообщества является возможность инициировать предпринимательскую способность его членов (инициативность, дар предвидения, готовность к риску) [15]. С другой стороны, стремление к частной выгоде побуждает предпринимателей максимально эффективно использовать местную ресурсную базу сообщества, тем самым способствуя его развитию. Следовательно, роль институтов в решении проблем развития местных сообществ неоднозначна. Так, эволюционный институционализм в противовес традиционным воззрениям экономической науки, базирующейся на принципах экономического равновесия, объясняет причины невозможности самопроизвольного достижения сбалансированного состояния местных сообществ (Р. Нельсон, С. Уинтер, Д. Ходжсон). Система устоявшихся в

обществе институтов не всегда способствует их развитию, в определенные моменты возникает необходимость институциональных преобразований, корректирующих поведение индивидов, подчас противопоставляющих свой частный интерес общественному благу. Несмотря на недостатки институционального подхода (отсутствие экономической завершенной модели, четкого понятийного аппарата, краткосрочный характер прогнозирования институтов, наличия ряда допущений (институциональная структура существует априори)) [14], он определяет тенденции развития местных сообществ, органы управления которых должны прилагать усилия для эффективного взаимодействия с целью поступательного движения общества вперед.

2. Развитие местных сообществ и концепция общественного блага

Рассмотренные подходы к выяснению взаимосвязи сущности и условий процессов производства и распределения общественных благ со способностью системы развиваться дают возможность в аналогичном ракурсе перейти к изложению концепции общественного блага, как основе общественной теории и теории общественного выбора, а также концепции общественного и неприбыльного сектора - предпосылке базовых концепций экономики города. Представители общественной теории, развившейся из концепций свободных общин (У.Ф. Арене, А. Мейер, О. Лабанд) и хозяйственной теории (О. Реслер, Р. Моль, О. Гирке, А. Шеффле) считали, что поскольку община первична по отношению к государству, приоритет в вопросах легитимности принятия решений как в общественной, так и в хозяйственной жизни принадлежит местному сообществу [9]. Поэтому причастность государства к делам местного сообщества лишь опосредована через контроль за соблюдением границ компетенции местных органов власти. Удовлетворение публичных (коллективных) или общественных потребностей на местном уровне посредством производства общественного блага подчеркивает его общественную сущность (сопричастность к делам общества, ответственность

перед ним, чувство единения и общих интересов). Невозможность объяснить необходимость реализации многих мероприятий на локальных территориях только местным кругом интересов, привела к появлению государственной теории самоуправления (Л. Штейн, Р. Гнейст), согласно которой местное самоуправление представляет собой «одну из форм организации государственного управления на местах» [6, с. 28]. С развитием общества, процессов урбанизации, внедрением достижений научно-технического прогресса общенациональные интересы стали преобладать над локальными, появляется необходимость в позиционировании государства, как некоего гаранта общественного благосостояния. Проблема соотношения индивидуального интереса (местного) и общественного блага переходит в плоскость рассмотрения институтов, которые могут обеспечить оптимальность данного соответствия. Возникшая на этом фундаменте теория общественного благосостояния, которая связана с именами В. Парето, А. Пигу, П. Самуэльсона, Э. Линдаля, Ч. Тибу, Э. Аткинсона, Дж. Стиглица позволила ответить на многие вопросы, касающиеся производства и потребления общественных благ. Начиная с исследований И. Бентама, считавшего, что благосостояние определяется счастьем наибольшего числа людей [17, с. 35], человечество пыталось найти связь между благосостоянием общества и эффективностью и ролью государства в обеспечении этих процессов. Фундаментальные теоремы благосостояния Парето [27], ординалистская концепция общественного благосостояния А. Бергсона, принцип ранжирования общественных благ П. Самуэльсона, понятие свойства «неисключимости из потребления» Э. Линдаля, «внешние эффекты (экстерналии) Пигу» явились краеугольными камнями в теории общественного благосостояния, как попытка создания модели благополучного общества, которому свойственен все возрастающий общественный порядок. В этой связи, бергсоновская цепочка оценочных рассуждений высшего авторитарного органа явилась основой для принятия решений со стороны этого органа и каркасом государственной экономической политики [19]. Таким образом, теория общественного сектора,

вытекающая из концепции общественного благосостояния, придерживалась необходимости государственного вмешательства в экономику с позиций эффективного и справедливого распределения общественных благ. Особое место в данной теории занимает теория местных общественных благ. Впервые эта концепция была представлена Э. Линдалем, рассматривавшим их как вид товара, условия производства которого не всегда адекватно отражаются несовершенным рыночным механизмом. Они становятся более актуальными для населения отдельно взятого района или города, и местные органы власти могут сосредоточиться на предоставлении тех благ, которые предпочитает местное население. Идеи Ч. Тибу о мобильности индивидов, ставшие особенно востребованными после выхода в свет работ Оутса о влиянии на стоимость недвижимости местных налогов и расходов на образование, не только объяснили природу миграции населения, зависящую от потребительских предпочтений, но и впоследствии смогли обосновать степень и причины разной капитализации той или иной территории. Возникновение теории общественного выбора, которая во многом произошла из теории общественного благосостояния, способствовало разрешению вопросов, не находивших ответов в рамках последней. Потребностью истолковать причины рационального поведения человека в политике, неспособности государства разрешить все экономические проблемы своим вмешательством объяснялось появление концепций, пытавшихся обосновать экономическое неравенство индивидов при прочих равных условиях и разрешить противоречие установлением особых отношений между обществом и политическими кругами (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, К. Эрроу, Д. Мюллер, У. Несканен, М. Олсон, Р. Толлисон). Действуя из соображений собственной выгоды, политический деятель (будучи избранным на демократических выборах населением локальной территории) все же вынужден заботиться об общественном интересе и видеть перспективы развития местного сообщества, основанные на приоритетном выборе эффективных способов производства общественных благ, как альтернативе своим индивидуальным предпочтениям.

Теория общественных благ с акцентом на их локальное происхождение легла в основу базовых экономических концепций города, которые тесным образом связаны с концепцией экономического пространства (табл. 1).

Таблица 1

Развитие основных базовых экономических моделей (концепций) города

Название модели (концепции)	Сущность модели (концепции)	Автор
концепция пространственно распределенного рынка сбыта в рамках модели линейного типа	два условных продавца, существующих на рынке, разнесенные в пространстве, испытывают тенденцию к смещению в центр рынка, стремясь захватить покупателей конкурента, реализуя тем самым принцип минимальной дифференциации	Г. Хотеллинг (двадцатые годы прошлого века)
базовая модель пространственной конкуренции	линейная модель распределения экономической активности с единым центром сбыта (город – «центр») с радиально исходящими от него зонами, специализирующимися на производстве той или иной сельскохозяйственной продукции («периферия»)	И.Г. фон Тюнен (1929)
концепция «город-поставщик» и «город-рынок сбыта»	интенсивность товаропотоков «городов-поставщиков» прямо пропорциональна численности населения этих городов и обратно пропорциональна квадрату расстояния до «города-рынка сбыта»	Д. Рейли, Ф. Конверс (1929, 1938)
концепции пространственного размещения деловой активности и теория центральных мест	модель шестиугольного зонирования территории города (гексагональная решетка), основанная на пересечении зон влияния близлежащих городов друг на друга, изотропности системы дорог, идущих из центров правильных многоугольников, обеспечивающая равновесное состояние	В. Кристаллер (1933), А. Леш (1940)
модель муниципальных предпочтений	характеризуется экспоненциальной зависимостью между пространственным изменением плотности городского населения и удаленностью от центра	К. Кларк (1951)
модель рынка городской земли	выделение в каждой территориальной зоне наиболее выгодного варианта землепользования, определяющего экономическую целесообразность использования того или иного участка	Алонсо-Тюнен (1964)

	города (6 зон)	
модель инновационной функции города	концепция жизненного цикла товаров (инновационная стадия (внедрение), рост, зрелость и упадок); инновации развиваются там, где дорогая рабочая сила и есть обширный рынок сбыта	Р.Вернон (1966)
гравитационная модель	развитие модели «центральных мест» А. Леша и В. Кристаллера	П. Мерлен (1977)
модель размещения различных видов деятельности	синтез теории локальных общественных благ и внешних эффектов характеризует способ размещения различных городских коммунальных центров обслуживания, доступных для населения и базирующихся на пространственной информации	П.-А. Дерик, Г. Жильбер (1988)
синтез пространственной теории города и локальных общественных благ	модель агломерационных процессов, формирующая городские системы, на основе преимуществ кооперации на одном месте (ресурсы, транспорт и т.д.), что обеспечивает более благоприятные условия проживания населения	М. Фуджита (1990)
модель каркаса городов	экономическое развитие города определяется его функциональной ролью и ее эволюцией, что является основой создания каркаса города	Ф. Даметт (1995)
модель дискретности и непрерывности экономического пространства	разработаны принципы сопоставимости непрерывного экономического пространства и дискретности городских агломераций	Р. Каманьи (1996)

Составлено автором на основе [5], [11], [7]

Трансформация теории локальных общественных благ в экономические концепция города осуществлялась через классические равновесные модели и теорию отраслевых рынков (жилья, недвижимости, земли). Использование пространственного экономического анализа позволило выявить роль иерархических управленческих структур, заинтересованных в максимальном удовлетворении общественных потребностей, затраты на производство которых зависят от уровня их производства (государственный, местный). Распределение ограниченных ресурсов муниципальных образований по принципу закрепления производства общественных благ за тем уровнем управления, который наиболее близок к их потребителям, объясняло тенденции в размещении

городских агломераций, транспортных и промышленных узлов, рынков производства товаров и коммунальных услуг, центров концентрации экономической активности в целом.

Таким образом, концепция общественного блага, являющаяся фундаментом общественного сектора экономики, позволяет рассмотреть ее как ресурсно-воспроизводственно-пространственно-институциональную основу для развития местных сообществ. Так, общественные блага выступают источником ресурсов развития локального сообщества, являясь сосредоточием его созидательной энергии; мобилизация и потребительский эффект от использования ресурсов основывается на приоритете местных предпочтений и возможностей (ресурсный аспект). Общественные блага создают материальные условия для воспроизводства труда и капитала, а значит всего общества в целом. При этом обеспечивается возобновление локальных социально-экономических процессов, поддерживающих местную хозяйственную инфраструктуру (воспроизводственный аспект). Необходимость повышения эффективности производства общественных благ приводит к определенному выбору месторасположения городских и сельских центров экономической активности. Кроме того, посредством социально-экономической политики происходит распределение и перераспределение общественно-значимых товаров и услуг на различных территориях (пространственный аспект). Производство и распределение общественных благ сконцентрировано, в основном, на государственном и муниципальном уровнях управления в лице органов власти, которые аккумулируют разнообразные виды ресурсов, регламентируют их использование и выступают в роли социальных институтов, открывающих доступ широким слоям населения к потреблению благ (институциональный аспект).

3. Роль моделей экономического роста в формировании теоретического фундамент развития социально-экономических систем

Традиционно эволюция моделей экономического роста представляется их

периодизацией в контексте классического, неокейнсианского, неоклассического подходов. Основоположники классических взглядов на модели роста А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Милль считали определяющими факторами роста накопление и инвестирование части полученного общественного продукта (в виде реинвестированной прибыли). Модель развития по А. Смицу может быть представлена следующей трансформирующейся цепочкой: стремление к выгоде - разделение труда - повышение производительности труда - развитие рынка. Считая, что только труд и продукты потребления являются истинным богатством общества, он не усматривал в деньгах их обменно-товарную сущность и видел предназначение трудовой теории стоимости в общепризнанной оценке потребительских товаров. Все экономические процессы, в том числе экономический рост, Д. Рикардо тоже связывал с категорией стоимости (капитал, труд, деньги, рента, торговля) [28]. Процессы распределения благ в обществе определялись, по его мнению, условиями производства и создания стоимости. Развивая трудовую теорию стоимости, он отмечал, что полезность и потребительная стоимость блага не могут быть ее регуляторами. Одно и то же благо приводит к разным уровням удовлетворения потребностей, поэтому субъективная оценка его невозможна. Стоимость создают только общественно необходимые затраты. Наиболее близок к современному представлению об общественных благах был Дж. Милль – представитель классической теории экономического роста, утверждая, что индивидуальные предпочтения могут быть удовлетворены при определенных условиях только с помощью коллективных действий [1]. При этом прирост прибыли – обязательное условие экономического роста – должен поддерживаться за счет технического прогресса. Он считал, что процессы распределения благ управляются законами общества, зависящими от вынесенных людьми решений. Отсюда его вера в возможность справедливого реформирования процессов распределения на базе частной капиталистической собственности, например, посредством прогрессивного налогообложения. Теория заработной платы, цены, процента рассматривается Дж. Миллем с точки

зрения временной ценности, то есть настоящего и будущего данного общества. Модель Дж. Милля трех рынков (благ, труда и капитала) давала ответы на проблему роста национального продукта в зависимости от спроса и предложения на рынке благ, закона убывающего плодородия почвы в первичном секторе, отдачи (иногда возрастающей) от масштаба производства во вторичном секторе. При этом главной задачей экономической политики является справедливое распределение продуктов (благ) между классами.

Неокейнсианцы Е. Домар и Р. Харрод были приверженцами динамического равновесия в экономике, залогом которого считали устойчивый темп роста национального дохода. Изменение же темпов роста последнего, по их мнению, кумулятивно влияет на равновесное состояние экономической системы в целом. Влияние распределения национального дохода на темпы роста общественного продукта увидел Дж. Робинсон. Он считал, что экономический рост определяется нормой прибыли в национальном доходе, которая, в свою очередь, зависит от скорости накопления капитала. Таким образом, регулируя соотношение между нормой воспроизводства и потребления, можно добиться устойчивости экономики. П. Калдор акцентировал внимание на рассмотрении причин неравномерного экономического роста разных территорий и пришел к выводу, что стремление собственников размещать предприятия вблизи крупных городских агломераций ведет к значительной экономии затрат.

Представители неоклассического течения Р. Солоу, Р. Купманса, Х. Зиберт, Б.Олин, Дж. Бортс, отойдя от позиций неокейнсианцев, говорящих о возможности искусственно добиться равновесного экономического роста в обществе, отрицательно относятся к вмешательству государства в экономические процессы, считая экономическое равновесие объективной данностью. Так, Р. Солоу, опираясь на производственную функцию, доказал количественную обусловленность экономического роста накоплением капитала, нормой сбережений и технологическим прогрессом. С именем Р. Купманса связывают появление модели оптимального экономического роста,

который определяется наличием зависимости удельного потребления на душу населения от технологического прогресса. Х. Зиберт рассматривал региональный экономический рост с точки зрения потенциальной способности социально-экономической системы накапливать капитал, землю, труд, технологии, знания [30]. Он говорил о невозможности определить точные границы экономического роста в той же мере, в какой существует необходимость решения этой задачи. Б. Олин обосновывает теорию межрегионального (международного) разделения труда, опирающуюся на целесообразность ввоза-вывоза тех компонентов (или продуктов труда, произведенных с их помощью) факторов производства, которые в избытке имеются на территории. Бортс Дж. видит зависимость экономического роста в регионах, меняющегося в процессе межрегионального взаимодействия, от внутрирегиональных производительных сил. Он утверждал, что к выравниванию экономического развития регионов ведет сглаживание цен на природные ресурсы, труд, капитал и т.д. [20].

Таким образом, представители неокейнсианской и неоклассической школы экономического роста подходят к эпохе новых моделей регионального экономического развития с убеждением, что потенциал экономического развития регионов основывается на ресурсном его воплощении и технологическом преобразовании на основе синергизма процессов, стремящихся сбалансировать их использование и возобновление. Нарушение данного баланса ведет к снижению потенциала и, как следствие, замедлению роста. Новые модели экономического роста воплощены в трудах П. Ромера, Р. Лукаса, У. Ростоу, Э. Денисона, Дж. Харриса, П. Кругмана, А. Хиршмана, М. Энрайта, А. Изансена, Б. Асхайма и др. Их характеризует акцент на внутренние потенциальные способности экономической системы к развитию. Так, модель П. Ромера отводит основополагающую роль в стимулировании экономического роста инновационной активности территорий. Практически одновременно с П. Ромером Р. Лукас развивает теорию человеческого капитала, в которой рассматривает интеллектуальный потенциал человека как важнейшую

эндогенную составляющую экономического роста. В качестве главного фактора экономического развития рассматривают знания Б. Асхайм и А. Изаксен [17]. Степень инновационности территорий определяется, по их мнению, уровнем накопленных знаний, а проблему стимулирования и внедрения новшеств можно решить в процессе использования разнообразных видов взаимодействия на территории региона (между органами власти и местным сообществом, между потребителями и производителями, внутри трудовых коллективов и т.д.). Теория У. Ростоу, основанная на пяти стадиях роста (традиционное общество, создание условия для взлета, взлет, зрелость, массовое потребление), акцентирована на самоподдерживающемся росте, позволяющем развиваться территориям за счет внутренних источников. Э. Денисон в качестве фактора экономического развития наряду с традиционными (труд, капитал) называет производительность труда, за счет которой по большей части и росла экономика западных стран в сороковые и пятидесятые годы прошлого столетия. Он был приверженцем жесткого государственного регулирования экономических процессов, особенно в кризисные периоды.

Потенциальные возможности территорий, раскрывающие их способность к развитию, рассматривали в своих работах Дж. Харрис, П. Кругман, О. Хиршман, М. Энрайт. Так, О. Хиршман видит стимул к развитию в несбалансированности ресурсов, которая приводит к мобилизации потенциальных возможностей региональной системы, таким образом, развитие территорий вряд ли может придти к одному уровню [24]. Всегда будет иметь место ресурсный дисбаланс, который вызовет новый импульс роста. Дж Харрис вводит понятие потенциала рынка, обусловленного степенью доступности хозяйствующих субъектов к рыночной инфраструктуре в процессе сбыта продукции и определяющего экономический рост [21]. Развивает данный аспект П. Кругман. Согласно его теории, принципами пространственного размещения предприятий и создания региональных агломераций становится возможность их выхода на рынки сбыта, а также емкость рынков [8]. Таким образом, эффект от масштаба, экономия на транспортных издержках и

мобильность факторов производства отходят на второй план. Стимулирование региональных конкурентных преимуществ, которые формируются внутри территорий, считал важной предпосылкой экономического роста М. Энрайт [23]. Его концепция региональных кластеров основывается на использовании особенностей территорий, географической близости производств, родственности отраслей, объединяющих предприятия, в основном, в производственные объединения (кластеры), способные конкурировать в межрегиональном масштабе. Существуют и другие теории, идущие в контексте регионального экономического развития (теория экономической базы, теория секторов, сырьевые модели и т.д.), которые уже упоминались в связи с ресурсным подходом к исследованию общественно-экономической сущности развития социально-экономических систем.

Выводы

Таким образом, исследование многообразия научных концепций сущности развития локальных СЭС способствовало формированию теоретического базиса его общественно-экономического содержания с позиций ресурсного, воспроизводственного, пространственного и институционального подходов. Взаимосвязь условий процессов производства и распределения общественных благ со способностью системы развиваться дала возможность в аналогичном ракурсе перейти к изложению теории общественного блага, как основе общественной теории, теории общественного выбора, а также концепции общественного сектора - предпосылке базовых теорий экономики города. На основании вышеизложенного, теоретический базис исследования общественно-экономической сущности развития локальных социально-экономических систем, являющийся синтезом известных научных концепций общественного блага и экономического роста, может быть представлен на рисунке 1. Рассмотрение данных теорий через призму ресурсно-воспроизводственно-пространственно-институционального подхода позволило сделать акцент на общности их основополагающей сущности, определяющей комплексный подход к проблеме регулирования потенциала развития локальных социально-

ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ.

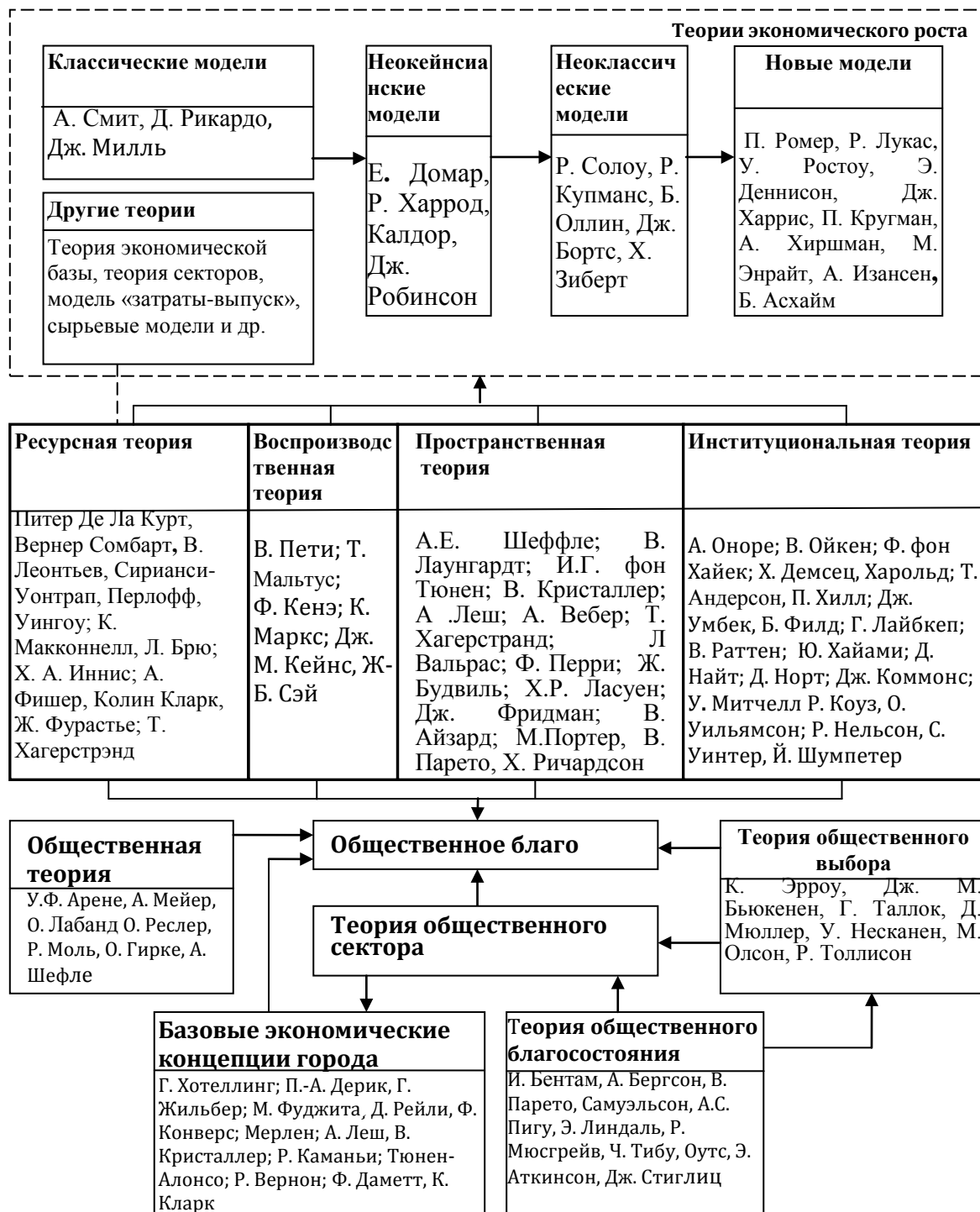


Рис. 1. Теоретический базис исследования общественно-экономической сущности развития социально-экономических систем

Литература

1. Алехин А.В. Экономика государственного и муниципального сектора. Уч. пособие. – Изд-во ПГУ, Пенза, 2010, - 172 с.
2. Беломестнов В.Г. Управление потенциалом социально-экономических

систем. – СПб, 2005, – 161 с.

3. Белоусов Р.А. Рост экономического потенциала. – М.: Экономика, 1971, - 151 с.

4. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2003, – 495 с.

5. Занадворов В.С., Занадворова А.В. Теория экономики города (курс лекций). Москва: ГУ ВШ, 1999, – 175 с.

6. Игнатов В.Г., Рудой В.В. Местное самоуправление - Изд. 2-е доп. и перераб. - Ростов н/Д.: «Феникс», 2003, – 384 с.

7. Колбина Е.О., Найден С.Н. Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. № 4. 2013, с. 44-69.

8. Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. 2005, – № 3. С. 121-126.

9. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретическое и практические аспекты государственного регулирования. – М.: Эдиториал УРСС, 2002, – 309 с.

10. Липец Ю.Т., Пуляркин В.А., Шлихтер С. Б. География мирового хозяйства: учеб пособие. - М: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1999, - 400.

11. Лободанова Д. Стратегия развития старопромышленных городов // Вопросы экономики. № 4, 2014, С. 56-76.

12. Макконелл Л., Брю Л. Экономика: принципы, проблемы и политика Т 1. - М.: Республика, 1992, – 399 с.

13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/ Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. - М.: Фонд экономической книги Начала, 1997, - 180 с.

14. Теории местного экономического развития: учебное пособие /Ю.В. Филиппов, Т.Т. Авдеева, Т.Г. Лаврова. - М. : КНОРУС, 2013, - 102 с.

15. Теория экономического развития : (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) /Й. Шумпетер ; перевод с нем. В. С. Автономова [и др.] ; общ.

ред. А. Г. Милейковского. – М.: Прогресс, 1992, – 453 с.

16. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, Начала-фонд, 2000, - 256 с.

17. Aristei D. (2008). Income distribution, growth and well being: evidences for selected OECD countries. *Empirica. Springer*, vol. 36(3). August, pp. 35.

18. Asheim B., A. Isaksen (1996). Location, agglomeration and innovation: towards regional innovation systems in Norway. *STEP-reoport*. Oslo: STEP-group.

19. Bergson A. (1938). Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics. *Quarterly Journal of Economics*. February, p. 310.

20. Borts G. H., Stein J. I. (1964). Economic Growth in a Free Market. New York, London.

21. Davis D. R., Weinstein D. E. Bones (2002). Bombs and Break Points: The Geography of Economic Activity. *American Economic Review*, n.92, pp. 1269—1289.

22. Demsetz, Harold (1967). Toward a Theory of Property Rights. *American Economic Review*, n. 57, pp. 347-359.

23. Enright M. J. (1993). The Geographical Scope of Competitive Advantage. Stuck in the Region? Changing scales for regional identity. Utrecht, pp. 87-102.

24. Hirschman A. (1958). The Strategy of Economic Development. Yale University Press. New Haven.

25. Knight J. (1992). Institutions and Social Conflict. Cambridge: Cambridge University Press.

26. Libecap, Gary D. (1989). Distributional Issues in Contracting for Property Rights. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, n. 145, pp. 6-24.

27. Pareto V. (1953). On the Economic Phenomenon. *International Economic Papers*, n.3, London, pp. 184.

28. Ricardo D. (1955). Beginning of political economy and tax load. Writing, vol. I., М., *State publishing house of political literature*, 360 p.

29. Ruttan, Vernon W. & Hayami Yujiro (1984). Toward a Theory of Induced Institutional Innovation. *Journal of Development Studies*, n. 20, pp. 203–223.

30. Sicbert H. (1969). Regional Economic Growth: Theory and Policy.
Scranton.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

1. Анализ смысловых подходов к исследованию общественно-экономической сущности развития локальных социально-экономических систем

2. Развитие местных сообществ и концепция общественного блага

3. Роль моделей экономического роста в формировании теоретического фундамента развития социально-экономических систем

Выводы